

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

КНИГА
XXII

ИЗДАНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

1927

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

	<i>Стр.</i>
Покровский, М. О деятельности Коммунистической Академии	5
Преображенский, Е. Хозяйственное равновесие в системе СССР	19
Грановский, Е. Иностраный капитал в системе монополистического капитализма в России	72
Асмус, В. Логическая реформа А. Богданова (по поводу доклада А. Богданова „Пределы научности рассуждения“)	122
Ефимов, А. Производительные силы и диалектика их развития	145
Франкфурт, Ю. Плеханов о диалектике в психологии	186
Ухтомский, А. Доминанта как фактор поведения	215

Критика и библиография

Лелевич, Г. Воинствующий идеализм на фронте литературоведения (Б. Эйхенбаум—„Литература“. „Прибой“, 1927)	243
Михайлов, А. Д. Недович. „Задачи искусствovedения“.—„Вопросы теории пространственных искусств“. Г. А. Х Н., 1927.	253
Милонов, К. Борис Рудаев. На путях к материализму XX века. Маркс и Аристотель. Маркс и Эйнштейн	262

Приложение

Теоретическая работа коммунистов в 1926 г. (Библиографические материалы)	269
--	-----

ПЛЕХАНОВ О ДИАЛЕКТИКЕ В ПСИХОЛОГИИ

Психологические взгляды Г. В. Плеханова, который чаще, больше, подробнее всех других последователей диалектического материализма высказывался по вопросам психологии, имеют сами по себе большое теоретическое значение, но они становятся еще более злободневными в связи с состоянием умов в области психологии.

За последние годы, по мере укрепления советской власти, роста экономической ее базы—восстановление хозяйства, крепнет союз труда и науки, передовой, лучшей части интеллигенции и рабоче-крестьянских масс.

На этом фоне марксистская идеология, революционный марксизм и ленинизм, диалектический материализм все более и более проникают в науку, овладевают головами ученых, делаются исходной точкой их изысканий.

Этот процесс захватил также и область психологии. Сознательно или бессознательно, искренно или неискренно, но и психологи почувствовали необходимость пересмотреть свою принципиальную и практическую установку в духе диалектического материализма.

Этот процесс, эта идеологическая ломка в области психологии имеют бесспорно большое положительное значение. Его нужно приветствовать и всячески поддерживать. Но, подходя диалектически, нельзя, однако, забывать и отрицательной его стороны, а именно *возможности* вольного или невольного извращения отношения марксизма к психологии, и не только возможности, но и реально, фактически уже выявившихся *попыток* извращения взглядов марксизма на психологию.

В этом последнем отношении повторяется на новой социальной основе то, что было в 90 г.г., когда и Ленин и Плеханов, распространяя марксизм, в то же время разоблачали, резко боролись против тех, которые, не будучи марксистами, рядились в марксистскую мантию, пользовались марксистской фразой.

Но этого мало. Для состояния умов в области психологии характерно еще одно обстоятельство, а именно отсутствие даже среди марксистов полного единодушия по вопросам о рефлексологии, или о субъективном и физиологическом, о соотношении между биологическим и социальным «факторами» человеческого поведения, в частности о роли сексуального, о социальной и индивидуальной психологии, о методах психологии. Вокруг всех этих вопросов ведутся

очень острые и горячие споры, производится переоценка ценностей, оформляются различные течения—диалектическое, механистическое, фрейдистское.

Эта-то опасность извращения марксизма в области психологии и этот разброд среди марксистов и повышают интерес ко взглядам Плеханова, заставляют еще и еще раз их проанализировать с новой точки зрения.

В настоящей статье мы ставим себе целью не изложить психологические взгляды Плеханова, как таковые, а проанализировать их с точки зрения диалектики, точнее—выяснить, какие элементы, характерные штрихи диалектики Плеханов установил, выявил в психологии. При этом мы сперва проанализируем взгляды Плеханова в порядке системы психологии, а затем систематизируем их в порядке самой диалектики.

Психологические взгляды Плеханова можно сгруппировать в следующие проблемы:

- 1) вопрос о субъективном, как таковом, о его социальной роли,
- 2) психофизиологическая проблема (субъективное и физиология мозга),
- 3) психика и организм в целом. Соотношение между социальным и биологическим «факторами» нашего поведения и психики.
- 4) социально-классовый «фактор» нашего поведения и психики.

В этом порядке мы и проследим психологические взгляды Плеханова.

1. Диалектика у Плеханова в вопросе о субъективном

Плеханову пришлось неоднократно возвращаться к вопросу о реальности психики, субъективного. Его отношение к этому вопросу можно охарактеризовать: *«от обороны к нападению»*.

Плеханову пришлось *обороняться*, защищаться от нападков, от обвинений, сыпавшихся против марксизма со стороны *идеалистов, эклектиков и ревизионистов* (Бернштейн, Оливетти, Штамлер), обвинений в том, что марксизм со своим учением об экономической базе отрицает, игнорирует, недооценивает *не-экономические* факторы вообще, психический фактор в частности.

Обороняясь, Плеханов в то же время нападал на тех (Грим, Шулятиков), которые действительно отрицали психику.

Марксизм никогда не отрицал реальности и действительности психики,—утверждает Плеханов. Психика—это особый «фактор» общественной жизни, который Плеханов ставит в ряду надстроек после социально-политического строя и перед идеологией¹, «фактор», действующий «по своим особым законам»².

Психика, т.е. наши «несистематические, отрывочные», мы бы сказали общежитейские, переживания, из которых складываются затем систематизированные идеологии³ науки и искусства,—является по Плеханову «непосредственной причиной исторического процесса»⁴.

¹ Плеханов, т. XVIII, стр. 231.

² » » VII, стр. 218.

³ » » V, стр. 35.

⁴ » » XVI, стр. 36.

«Для общественной науки весь вопрос был в том только, приводится ли *непосредственная пружина—воля и чувства людей— в движение сама-собой*, или же эта непосредственная пружина *должна быть опосредствована какой-нибудь другой причиной*»¹.

«Исторический материализм не отрицает *взаимодействия* между человеческим сознанием и общественным бытием. Он только говорит, что *факт взаимодействия между двумя данными силами еще не решает вопроса об их происхождении*».

Марксизм, следовательно, по мысли Плеханова, не отрицает психики как особого, действующего по своим законам «фактора», но, не удовлетворяясь таким признанием ее реальности и действительности, идет дальше и глубже, выясняя ее генезис, ее происхождение.

Спрашивается, почему же все эти идеалистические, эклектические и ревизионистические обвинители марксизма понятия выяснение марксизмом генезиса, происхождения психики как ее отрицание.

Плеханов заявляет: «В грубости помыслов, в грязном нравственном материализме новейших социалистов часто упрекают люди *несведущие или неискренние*»².

Одни критики не желают понять, а другие действительно не понимают марксизма.

Плеханов вскрывает при этом социальные корни как неискренних обвинений, так и обвинений, являющихся следствием непонимания.

Но нас сейчас интересует не *социальные* корни обвинений, а идеологическая, т. е. логическая и теоретико-познавательная, «основа» понимания, в которой проявляются эти социальные корни.

Все эти обвинители не понимают, как можно, с одной стороны, *выводить* психику, как надстройку, из базы, мышление из бытия, а, с другой, видеть в психике, этом производном, этом следствии *нечто воздействующее обратно* на базис, на бытие.

Все эти обвинители—*метафизики*, видящие здесь причину, там следствие. Для них причина *всегда* причина, а следствие всегда следствие. Они не понимают диалектики того, как следствие, порожденное какой-либо причиной, превращается в свою очередь в причину, воздействующую на создавшую ее причину, как на следствие.

Таким образом, в борьбе за признание реальности и действительности психики, за признание ее как особого действующего по своим особым законам «фактора» общественной жизни, Плеханов, как диалектик, утверждает, что психика есть *следствие* базиса, бытия, *превращающееся* в свою очередь *в причину*.

Что же Плеханов понимает под психикой?

Он особенно часто и много говорит о роли и значении *мышления и сознания*.

«Я червь,—говорит идеалист. Я—червь, пока я невежествен,—возражает материалист-диалектик: но я—бог, когда я знаю»³.

¹ Плеханов, т. XVI, стр. 36—37.

² » » III, стр. 339.

» » VII, стр. 247.

«Революционная по своему внутреннему содержанию идея есть своего рода динамит, которого не заменят никакие взрывчатые вещества в мире»¹.

Однако Плеханов не узкий интеллектуалист.

Он приписывает огромную роль:

а) Чувствам (эмоциям) человека:

«Еще Гегель справедливо сказал, что без энтузиазма — «без страсти» — не делается ничего великого в истории»².

Ни один великий шаг в истории не был сделан без помощи страсти, которая, удесетеряя нравственные силы и изоцряя умственные способности деятелей, сама является великой прогрессивной силой»³.

б) Воле человека:

«Материалисты-диалектики особенно хорошо помнят, что на практике воля людей есть необходимый рычаг для перестройки грубых форм исторического существования»⁴.

в) Желаниям человека:

Раз явилось у человечества желание, — оно само составляет факт из истории его умственного развития, и закон должен охватить этот факт, а не приходиться с ним в столкновение».

Если «совершенно упустим желательное, — вернее сказать, желаемое людьми данной эпохи, — из нашего поля зрения, то мы придадим закону какой-то мистический оттенок, превратив его в какой-то фатум»⁵.

г) Инстинктивному в человеке:

«Воспитание человека в духе нравственности состоит именно в том, что для него становятся инстинктивной потребностью поступки, полезные для общества. И чем сильнее эта потребность, тем нравственнее это лицо.

«Люди не делаются героями по расчету: героизм инстинктивен. Но всякий инстинкт есть плод длинного процесса развития»⁶.

д) Бессознательному, в смысле неосознанного:

«Возможности религии исчерпаны собственно только для сознательных пролетариев. Кроме сознательных пролетариев, есть еще и полусознательные и совсем бессознательные».

При этом Плеханов признает наличие бессознательного не только среди рабочих, но и среди интеллигенции.

«У нас еще великое множество интеллигентов», разумеется, мнящих себя вполне сознательными, но на самом деле бессознательно увлекающихся всяким модным течением»⁷.

¹ Плеханов, т. II, стр. 71.

² » » XVI, стр. 312—313.

³ » » VII, стр. 292—293.

⁴ » » X, стр. 172—173.

⁵ » » VII, стр. 92.

⁶ » » VI, стр. 308 и т. V, стр. 219.

⁷ » » XVII, стр. 6

Как мы видим, Плеханов понимает психику широко. Он признает и инстинктивные и бессознательные и сознательные переживания, с одной стороны, и ум, и волю и чувства (эмоции)—с другой.

Таким образом психика, субъективное, обнимает собой, по Плеханову, все виды наших переживаний.

В субъективной эмпирической психологии господствовал своеобразный *психологический атомизм*—ум, воля и чувства рассматривались каждый как самостоятельные, изолированные способности, функции, переживания.

Как обстоит в этом отношении дело у Плеханова? Плеханов—ярый противник такого атомизма.

«Каждый человек есть «я», и у каждого человека каждое соображение о том или другом своем поступке *неотделимо* от сознания этим человеком своего «я». Это неоспоримое обстоятельство»¹.

Все человеческие переживания представляют собой не разрозненные проявления ума, воли или чувства, а образуют единое целое, связаны, увязаны в единое человеческое «я».

Психика, как цельное трехчленное единство (в смысле связи, увязки) ума, воли и чувств—вот диалектическая точка зрения Плеханова в отличие от субъективно-эмпирической атомистики.

Плеханов признает *различие* ума от воли и чувств, и в то же время он их диалектически связывает в *единую цельность*.

Для диалектического подхода Плеханова к этому трехчленному единству человеческого «я» характерна следующая его мысль.

«В *каждом* человеческом действии,---говорит он,---принимают участие *все* стремления человеческой природы, хотя бы *одно* из них и являлось *преимущественно заинтересованным* в этом деле»².

Все *разнородные* психические переживания связаны в единство не только в психике в целом, во всем нашем «я», но и во *всяком* нашем действии, в *каждом* отдельном действии.

Всякое действие есть единство, увязка, связь *всех* разнородных переживаний, и если мы все же одно действие, одну реакцию называем интеллектуальным другое—волевым, а третье—эмоциональным, то это базируется на *преимущественной* заинтересованности, на *количественном* преобладании того или другого *вида* психических переживаний.

В основе определения каждого единого по существу трехчленного действия нашего то как ум, то как воля, то как чувство лежит *количество, превратившееся в качество*.

Плеханов не только диалектически и увязывает и различает (последнее на основе перехода количества в качество) ум, волю и чувства трёхчленное единство человеческого «я», но и указывает на историческое и диалектическое превращение инстинктивных и бессознательных переживаний в сознательные и обратно.

¹ Плеханов, т. V, стр. 220.

² „ „ „ V, стр. 313.

Все развитие наших человекоподобных предков как и всех других животных «находилось в полном подчинении природе» и было «совершенно бессознательным». «Тогда еще не загоралась даже заря сознания, а, следовательно, и свободы. Но физическая необходимость привела человека на такую степень развития, на которой он стал животным, делающим орудия», и подчиняющим «необходимость человеческого сознанию, хотя на первых порах лишь в очень слабой степени, если можно так выразиться, лишь клочками, урывками»¹.

Имевшиеся у человека, как и у всех животных, бессознательные и инстинктивные переживания, в силу развития техники, переходят в урывочное, клочкообразное сознание.

Процесс роста сознания продолжается и в дальнейшем историческом развитии, в классовом обществе.

«Стихийная» борьба за улучшение условий существования ведет к тому, что «позже» из «густых туч слепых интересов выливается свет классового сознания»².

Следовательно, бессознательное и инстинктивное, по закону перехода количества в качество, переходит исторически в сознательное.

А поскольку, как мы видели выше, в процессе воспитания, т.-е. повторения сознательных переживаний, последние превращаются в инстинктивные, перед нами диалектическая картина:

С одной стороны, в процессе действия, повторения, накопления, роста количества исторически выросло из бессознательного и инстинктивного сознательное, а, с другой, стороны, картина диалектически меняется, и мы получаем обратный процесс, когда повторение, накопление, рост количества приводит к переходу сознательного в инстинктивное и бессознательное.

Исторически совершающийся диалектический переход количества в качество и обратно — вот что Плеханов устанавливает в отношении бессознательного и инстинктивного, с одной стороны, и сознательного, с другой стороны.

Для психологических взглядов Плеханова характерно также устанавливаемое им единство противоположностей внутри субъективного в двух формах:

1) социально-обусловленное одновременное уживание противоположных психических состояний;

2) закон антитеза или контраста.

Начнем с первой формы внутри-психического единства противоположностей.

Отвергая утверждение Бюхера, что у первобытных людей нет родительского чувства *потому*, что они убивают детей, Плеханов говорит, что «умозаключение от убийства детей и стариков к отсутствию взаимной привязанности между детьми и родителями» только

¹ Плеханов, т. VII, стр. 244.

² » » XVI, стр. 112.

«кажется совершенно логичным», да и то «только на первый взгляд»¹.

Это внутриспихическое противоречие есть реальный факт, объясняемый, по Плеханову, условиями борьбы первобытных людей за существование.

«Те же самые условия дикой жизни, которые приводят к убийству детей и стариков, ведут *также* и к поддержанию тесной связи между остающимися в живых членами союза»².

Обусловленное социальными причинами одновременное уживание противоположных чувств—этот констатируемый Плехановым диалектический факт—объясняет также то вызывающее удивление у некоторых исследователей обстоятельство, что «убежденные сторонники крепостного строя восставали против неизбежных злоупотреблений помещиков-крепостников», составлявших собственно сущность крепостного права»³, а также то обстоятельство, что в головах г.г. «критиков», Бердяева, Струве и других, утопическая мечтательность мирно уживается с несокрушимой и непреоборимой «трезвенностью»⁴.

Обусловленное социальными интересами одновременное уживание в психике одних и тех же людей противоположных переживаний: убийство детей и стариков и любовь к ним, защита крепостного права и борьба против его «злоупотреблений», мечтательность и трезвенность оппортунистов—вот констатируемые Плехановым диалектические факты.

Социально обусловленное внутри-психическое единство противоположностей—такова диалектическая точка зрения Плеханова.

Теперь перейдем к другой форме внутри-психических противоречий—закону антитеза или контраста.

Считая «весьма убедительным то множество примеров, которые Дарвин приводит в доказательство большой роли» начала антитеза «при выражении ощущений у людей и животных», Плеханов спрашивает: не заметно ли действие этого закона антитеза и в происхождении и развитии обычаев?

И, на основе анализа жизни первобытных народов, Плеханов приходит к выводу, что «весьма значительная часть обычаев обязана своим происхождением действию *начала антитеза*» и что «*развитие наших эстетических вкусов так же совершается отчасти под его влиянием*».

Этот закон контраста, противоречия не случайность, а свойство человеческого организма.

Для *характеристики* закона антитеза, контраста, противоположностей очень интересен анализ Плехановым идеологических соотношений между пуританами и дворянством в Англии.

«Когда реставрация Стюартов временно восстановила в Англии господство старого дворянства, это дворянство *не только не*

¹ Плеханов, т. XIV, стр. 68.

² „ „ „ XIV, стр. 69—70.

³ „ „ „ XXI, стр. 224.

⁴ „ „ „ XI, стр. 257.

обнаружило ни малейшего стремления подражать, но проявило сильнейшую склонность к привычкам и вкусам, прямо противоположным пуританским правилам жизни.

«Тут действовало *не подражание, а противоречие, которое, очевидно, тоже коренится в свойствах человеческой природы*».

«*Подражание являлось, стало быть, источником противоречия*»,—говорит Плеханов.

Следовательно, можем мы резюмировать мысли Плеханова его же словами: «хотя у человека, несомненно, есть сильное стремление к подражанию, но это стремление проявляется лишь при известных общественных отношениях», а при других общественных отношениях стремление к подражанию исчезает, уступая место противоположному стремлению, которое я назову пока стремлением к противоречию».

В основе всей этой *сложной диалектики психических явлений* лежат факты общественного порядка»¹.

Когда одна социальная группа воспринимает обычаи, нравы, эстетические вкусы и чувства другой социально-противоположной группы, то в ней в силу закона контраста, противоположности вырабатываются другие, противоположные нравы, обычаи, вкусы.

В силу социальных противоречий восприятие одних психических переживаний приводит к рождению противоположных.

Условия общественного бытия, противоположность классовых интересов приводит в действие, присущее организму, психологическую диалектику, т.-е. в данном случае закон антитеза, контраста, противоположности, противоречий, и подражание переходит в противоречие, подражание превращается в источник противоречий.

Психика, следовательно, внутренне, имманентно заключает в себе противоречие. Психика—единство противоречий.

Но, могут возразить, ведь мы в приведенных примерах имеем дело с противоречивыми психическими переживаниями, существующими *раздельно* в двух различных социальных группах, следовательно, перед нами противоположность социальная, классовая, а не психическая.

Это возражение неверно.

Мы видели, что Плеханов подчеркивает социальные противоречия, но в то же время показывает, как эти социальные классовые противоречия *отражаются* в форме психологической диалектики.

Нельзя отождествлять социальные интересы и их психологические отражения.

Конечно, основной причиной этой психологической диалектики является противоположность классовых интересов, но нас ведь в данном случае интересуют те психологические формы, в которых эти интересы отражаются и проявляются.

И в этом смысле, в этом отношении, поскольку мы анализируем социально-обусловленные *психические переживания*, мы попадаем в сферу психологической диалектики, внутри—психических противоречий, состоящих в том, что получаемые одним классом восприятия

¹ Плеханов, т. XIV, стр. 12—13.

обычаев, мод, вкусов, переживаний другого противоположного класса, т.-е. имеющиеся в голове первого класса образы психических переживаний второго класса, переходят в голове первого в свою противоположность:

Но Плеханов вскрывает психологическую диалектику, действие закона антитеза, контраста, противоположности, противоречий не только при сравнении психики *разных* классов, но и в пределах *одной и той же* социальной группы.

«В эпоху наполеоновских войн наша, образованная и свободомыслящая военная молодежь еще любила Александра I». Но по мере того, как «Александр I все более и более поддавался влиянию реакционеров», это «чувство любви к Александру I заменялось чувством нерасположения и даже ожесточением».

И если *любовь* к императору вызвала сочувствие к *мирным* реформам сверху и ожидание тех реформ, то *разочарование* в императоре и *ожесточение* против него должны были вызывать и укреплять сочувствие и стремление к *революционному* способу действий¹.

В одном и том же слое, под влиянием социальных условий, любовь переходит в ненависть, мирное настроение—в революционное. Психика развивается по закону присущего ей внутреннего противоречия, хотя и приводимого в движение социальным бытием.

2. Диалектика в разрешении Плехановым психофизической проблемы

Психика, являясь отражением, следствием экономической базы и социально-политической надстройки, представляет собой в то же время свойство материи.

Плеханов употребляет еще термины: субъективное как сторона, функция, следствие, часть и некоторые другие, но в отношении к материи точнее Плехановский термин—свойство.

Спрашивается, какой материи свойственна психика, в смысле внутренних субъективных переживаний.

Плеханов не дает ответа на этот вопрос. Он путается, то заявляя, что психика присуща всякой материи, то утверждая, что она присуща только высокоорганизованной материи, то находя, что обе точки зрения неясны, то полагая, что проблема эта вообще не имеет никакого значения, (как мы это подробно выяснили в своей статье: «Плеханов о психофизической проблеме»²).

Но если взять его мотивы, вернее, один его мотив по существу, а именно когда он в споре с Бернтштейном соглашается со Штерном, что если психика свойственна высокоорганизованной материи, то она *должна быть*—пусть в минимальной, незаметной степени—во всякой материи, то приходится сказать, что это мотив не диалектический, а метафизический, ибо он исходит из метафизического непонимания перехода количества в качество, появления новых качеств в процессе усложнения материи.

¹ Плеханов, т. X, стр. 358—359.

² «Под Зна. Маркс», 1926 г. № 6.

В этом вопросе Плеханов, к сожалению, попал в сети *метафизики*.

Однако, неправы те, которые считают Плеханова сторонником гилозоизма, одушевленности всякой материи, наличия свойства «психичность» во всякой материи.

Плеханов—не сторонник гилозоизма, не сторонник одушевленности всякой материи, не приписывает «психичность» всей материи.

Не преодолев в этом вопросе метафизики, Плеханов не дает ясного, четкого ответа.

Переходя к вопросу о том, каково отношение между психикой и материей, между субъективным и физиологическим, *там*, где субъективное бесспорно есть, т.-е. прежде всего и раньше всего у человека, то точку зрения Плеханова можно охарактеризовать как борьбу за *качество* и за единство против всяческого отождествления.

Плеханов называет «будто бы материалистами» тех, которые утверждали, «что мысль, а следовательно, и ощущения есть не более, как движение вещества»¹.

Мысль, ощущения, субъективное—*не есть* движение вещества, а особое свойство движущейся материи.

В споре с Петцольдом Плеханов заявляет, что последний «попал бы в очень затруднительное положение, если бы мы его спросили, какой же именно материалист и в каком именно сочинении утверждал, что ощущение и мысль *тождественны* с движением в мозгу». Материалисты утверждали только, что «движение есть необходимое и достаточное условие мысли»².

Плеханов отвергает не только утверждение, что субъективное есть движение, но и утверждение, что субъективное есть часть материи, нечто протяженное.

Он солидаризируется с Чернышевским, что «ощущение и мышление совсем не похожи на движение *и протяжение*».

Он признает «вместе с Пристлеем, что мозг, кроме способности к вибрациям, может обладать еще способностью к восприятиям»³.

Субъективное не есть часть материи, не есть нечто протяженное, не есть движение, вибрация мозга, нет, субъективное есть *особое свойство* материи мозга.

Вот почему Плеханов различает физиологию в узком смысле этого слова, т.-е. без субъективного, и физиологию в широком смысле слова, с наличествующим субъективным.

Сходно со Спинозой, Плеханов утверждает, что субъективное есть особое свойство, которое не описывается и не объясняется физиологией.

Никто из видных представителей материализма, никто из материалистов нового времени «не объяснял или описывал душевные явления с помощью представлений или понятий, которые были развиты для объяснения или описывания движения»⁴.

¹ Плеханов, т. V, стр. 198—199.

² » » XVII, стр. 120.

³ » » V, стр. 208—209.

⁴ » » XVII, стр. 121—122.

Субъективное и физиологическое — два особых свойства, не тождественных между собой.

«Упрекать материалистов в отождествлении ощущения и мысли с движением значит навязывать им то «учение о тождестве», *несостоятельность* которого так хорошо обнаружил Фейербах, показав к тому же, что это учение является необходимой составной частью *идеалистической* «философии», так как оно представляет собой «бессознательное повторение одной из коренных ошибок идеализма», т.-е. «*мнимое* разрешение антиномии между субъектом и объектом посредством устранения одного из ее элементов»¹.

Итак, психика не тождественна ни с движением, ни с протяженной частицей материи, нет, психика — это *особое* свойство материи.

Единство, но не тождество субъективного и физиологического вот точка зрения Плеханова.

Некоторые, Богданов например, расценивают эту точку зрения Плеханова как дуализм, параллелизм.

Но Плеханов не признает здесь никакого дуализма. Он соглашается с Чернышевским, что «двойственность явлений в организме отнюдь не свидетельствует против единства его природы», приведя при этом следующую цитату из последнего:

«Нет предмета, который имел бы *одно* качество. напротив, каждый предмет обнаруживает бесчисленное *множество* разных явлений, которые мы для удобства суждения о нем подводим под разные разряды, давая каждому разряду название качества, так что в каждом предмете очень много различных качеств».

«Например, дерево растет, горит; мы говорим, что оно имеет два качества: растительную силу и удобосгораемость. В чем сходство между этими качествами. Они совершенно различны; нет такого понятия, под которое можно было бы подвести оба эти качества, кроме общего понятия — качество; нет такого понятия, под которое можно было бы подвести оба ряда явлений, соответствующих этим качествам, кроме понятия явление. Или, например, лед тверд и блестящ: что общего между твердостью и блеском. Логическое расстояние от одного из этих качеств до другого безмерно велико, или, лучше сказать, нет между ними никакого, близкого или далекого, логического расстояния, потому что нет между ними никакого логического отношения. Из этого мы видим, что соединение совершенно разнородных качеств в одном предмете есть общий закон вещей». Приведя это крайне интересное и важное место, Плеханов продолжает:

«То же и с тем качеством, которое мы называем способностью к ощущению и мышлению». его расстояние от так называемых физических качеств живого организма безмерно велико. Но это не мешает ему быть качеством того же организма, который в то же время обладает протяженностью и способностью к движению»².

¹ Плеханов, т. XVII.

² «...» V, стр. 208—209.

Итак, *один* предмет, один организм обладает многими свойствами: он имеет: 1) протяженность, 2) способность к движению, к физиологическому функционированию и 3) способность к ощущению, психичность, субъективное свойство, образуя в то же время одно единое целое.

Наш мозг единственен (*в каждом* из нас),—и один, хотя он и обладает разными неотделимыми свойствами,—протяжен, физиологически функционирует, имеет свойство «субъективное», «психичность».

Плеханов—противник теории отождествления субъективного и физиологического, противник как идеалистического отождествления движения, физиологии с ощущениями (махизм), так и механистически-материалистического отождествления субъективного ощущения с движением, с физиологией, ведущего бессознательно к тому же идеализму.

Но он также противник теории психофизиологического параллелизма и психофизического взаимодействия, для которых субъективное и физиологическое есть две раздельности.

Мы не можем в аспекте данной статьи остановиться подробнее на последних двух теориях и на вопросе о том, как же одно субъективное состояние сменяется другим, но для иллюстрации мысли Плеханова отметим, что Плеханов считает каждое данное субъективное состояние с его физиологическим механизмом «двумя одновременно появляющимися свойствами одного и того же процесса», вызванного другим, предшествующим, в свою очередь тоже единым субъективно-физиологическим процессом.

Для Плеханова субъективное и физиологическое в человеческом мозгу—два разных, особых, но неотделимых свойства одного и того же тела—мозга.

И действительно, субъективное каждый наблюдает в себе непосредственно, а в другом каждый воспринимает только объективный процесс.

Вот почему, исходя из этого взгляда, мы в свое время формулировали:

I. Поскольку психика, субъективное, не есть материя, не есть такое выделение из мозга как желчь из печени,—она *не* материальна; поскольку же она является неотделимым свойством материальных мозговых процессов, неотделимым свойством материального мозга,—она материальна¹.

II. Поскольку субъективное не занимает места,—оно непротяженно, но поскольку оно совершается в пространстве,—оно пространственно².

Итак, Плеханов борется *против* отождествления субъективного с физиологическим, с протяжением, борется за своеобразие психики, как особого качества, борется за единство многообразных качеств в одном и том же, едином и единственном теле—мозгу.

Плеханов в этом вопросе выясняет два диалектических момента.

1. Признание особых, разных качеств.

¹ Франкфурт.—«Рефлекс и марксизм». Человек и природа за 1924 г. № 9.

² «Об одном извращен. маркс. в области психологии». Красная Новь. 1925 г. май. Рефлексология и марксизм, ч. II.

2. Единство многообразия, единство в смысле многообразия качеств в одном и том же предмете, в одном и том же процессе.

Борьбу за качество «психичность», за единство многообразия, за единство многообразных качеств Плеханов ведет еще в одном отношении, а именно по вопросу о том, можно ли отождествить субъективное с внешней, объективной, чувственной практической деятельностью.

Первый тезис Маркса о Фейербахе используется как для идеалистического, так и для механистически-материалистического отождествления субъективных переживаний и объективной, внешней чувственной практической деятельности.

Так, Г. И. Челпанов, ссылаясь на первый тезис Маркса о Фейербахе и утверждая, что «Маркс признавал изучение самосознания, субъективной стороны жизни центральной проблемой истории»¹, идеалистически отождествляет чувственному практическую внешнюю объективную деятельность с самосознанием, с субъективным.

С другой стороны, некоторые марксисты механического толка заявляют, что Маркс в этом своем тезисе признает только внешнюю объективную чувственную практическую деятельность, а не внутренние субъективные переживания. Они, следовательно, механистически-материалистически отождествляют субъективное с внешней, объективной, чувственной практической деятельностью.

Плеханов интерпретирует этот тезис Маркса следующим образом:

«Маркс заметил недостаток французского, и даже фейербаховского, материализма и поставил себе задачей исправить его. Его «экономический» материализм является ответом на вопрос, как развивается конкретная деятельность человека, как, *в силу ее*, развивается его самосознание, как складывается субъективная сторона истории»².

Как мы видим, Плеханов понимает под субъективной стороной *и* конкретную деятельность человека *и* развивающееся в силу, вследствие этой деятельности, человеческое самосознание.

Плеханов различает процесс воздействия человека на внешний мир и те ощущения, которые человек в то время испытывает.

«Ощущения, вызванные в субъекте действием на него объекта, совсем *не похожи*» ни на этот последний, ни на субъект³.

Плеханов различает внутренние субъективные переживания, психофизический процесс в нервно-мозговой системе, и внешнюю деятельность, внешнее поведение.

«Противоречия, свойственные данной социальной форме, неизбежным и роковым образом отражаются *на образе мыслей и на поведении* ее сторонников»⁴, — заявляет Плеханов, а в этом поведении, в этих внешних проявлениях он различает слова и дела.

Плеханов отличает слова от мыслей⁵, дела от мыслей⁶, слова от дел⁷.

¹ Челпанов. — «Психология и Марксизм», тез. 3.

² Плеханов, т. VII, 228—229.

³ „ „ т. XI, 129.

⁴ „ „ т. II, 255.

⁵ „ „ т. XI, 38; XVI, 132; IV, 85.

⁶ „ „ т. II, 163.

⁷ „ „ т. XVI, 363.

Но мысли (точнее, психофизиологический нервно-мозговой процесс), слова и дела, во-первых, не равноценны, так как, по Плеханову, приоритет принадлежит действиям¹, и, во-вторых, не изолированы между собой, а увязаны в единое целое.

Психика для Плеханова трехчленное единство—мысль, слово и действие, при приоритете последнего.

Единство в смысле увязки, связи различных элементов—мысль, слово, действие—в одно *единое целое*—вот диалектический взгляд Плеханова.

Борьба *против* как идеалистического, так и материалистски-механистического отождествления субъективных переживаний и внешних проявлений (слов, действий) за признание различий мыслей от слов и действий и за увязку, объединение—вот точка зрения Плеханова.

Перед нами вскрываются два диалектических момента:

1. Признание различий, качеств, различных качеств, в данном случае в 2 формах:

а) различные, отдельные субъективные переживания и внешние проявления—слова и действия,

б) качественно-различные, отдельно существующие слова и дела.

В этом смысле наиболее правилен употребляемый Плехановым термин субъективное как сторона, как нечто отделенное, отдельно существующее.

2. Объединение, увязка этих отдельно, отдельно существующих отличных друг от друга, различных элементов в цельное единство.

3. Диалектика в формулировке Плехановым отношения между биологическим и социальным „факторами“ нашего поведения и нашей психики

Считая субъективное особым и неотделимым свойством материи, мозга, Плеханов учитывает, однако, роль и значение нашего организма в целом.

Анализируя заявление Фейербаха, что он идет с узкими материалистами «лишь до известной точки» на том основании, что «физиология все сводит к мозгу, а мозг есть не более, как физиологическая абстракция и что на самом же деле он лишь до тех пор является органом мышления, пока соединен с головой и с телом», Плеханов замечает, что «тут нет никакого разногласия», так как, разумеется, «никакой физиолог и никакой материалист не скажут, что умственная деятельность может продолжаться в голове, отрубленной от тела»².

Психика определяется состоянием не только нервной системы, но и состоянием всего организма.

Ощущение, как результат взаимодействия между объектом и субъектом, совершенно естественно «зависит не только от свойств познаваемого, но также от свойств познающего».

¹ Плеханов, т. II, 295, т. III, 39.

» т. VI, стр. 261.

«Если здоровому человеку мед кажется сладким, а больному — горьким, то из этого следует лишь тот вывод, что при известных обстоятельствах человеческий организм получает способность необычным образом реагировать на определенное раздражение», способность, составляющую «объективное свойство»¹.

В зависимости от состояния всего организма меняется, следовательно, и характер ощущения.

Но этого мало. Организм является также и источником психических переживаний, так как «так называемые растительные процессы человеческого организма оказывают огромное влияние на психические явления, и то или другое настроение духа оказывается следствием того или другого физического состояния организма»².

Психика, в известной своей части, является отражением, следствием органических процессов.

Плеханов учитывает также возрастные психические различия³, и половые различия между мужчинами и женщинами, сыгравшие, по его мнению, большую роль в истории первобытного общества⁴.

Но для нас сейчас важна другая сторона взглядов Плеханова, а именно вопрос о *соотношении* между биологией и социологией в человеческом поведении и психике.

Здесь прежде всего выдвигается вопрос о биопсихической наследственности.

Сравнивая точку зрения Дарвина, согласно которому «интеллектуальные и моральные свойства человека изменчивы и имеют свойство передаваться по наследству», с точкой зрения Гельвеция, по которому «все различие» людей лежит в их развитии, а не в их зародышах, не в их наследственности, так как при своем рождении мы все наделены одинаковыми свойствами и только воспитание делает нас непохожими друг на друга»⁵, Плеханов утверждает, что «новейший диалектический материализм стоит не на таком шатком основании: он охотно признает долю истины, скрывающуюся в обоих утверждениях и не имеет ни малейшей надобности отвергать, например, инстинкты и чувства, составляющие последствие физиологической наследственности»⁶.

Диалектический материализм признает, по Плеханову, и влияние современной окружающей среды и психическую наследственность.

Плеханов называет «интересным и справедливым» рассуждение Рейнке о том, что человек, составляя часть природы, «подлежит ее великому закону приспособления» вместе со своими «душевными свойствами», что «если мы зададимся вопросом о том, как приобретены физическое и духовное свойство данным видом животных, то нам придется обратиться к истории развития земли, но если мы

¹ Плеханов, т. XVII, стр. 172.

² » т. II, стр. 50.

³ » т. XXII, стр. 193—194.

⁴ » т. XI, стр. 302.

⁵ » т. VIII, стр. 88.

⁶ » т. VIII, 46—47.

возьмем отдельную особь,—человека или какое-нибудь другое животное,—то все ее свойства, как физические, так и духовные, даны «*in priori*»¹, т.-е. «получаются человеком по наследству и развиваются по мере развития его из клетки, в которой таких свойств совсем незаметно».

На этом основании Плеханов считает биологически-наследственными социальными чувства и вырастающее на основе последних самопожертвование².

Плеханов утверждает также, что «зоология передает истории homo уже обладающими способностями изобретать и употреблять наиболее примитивные орудия»³.

Такая установка на наследственность делает Плеханова сторонником биогенетического закона. Говоря о последнем, Плеханов замечает, что «нечто подобное справедливо и для умственного развития», что «*психическое развитие каждого человека является родом конспекта истории развития его предков*», добавляя, однако, «само собой разумеется, что *приспособление к среде, особенно социальной, требует существенных поправок к этому закону*, который, впрочем, и в биологии принимается не как безусловная картина»⁴.

Приемля биогенетический закон, Плеханов, следовательно, считает необходимым внесение в него поправки на среду в отношении ко всем животным, тем более в отношении человека, где поправка должна быть сделана не только на среду вообще, но и особенно на среду социальную.

В чем состоит, по Плеханову, эта поправка на социальную среду в вопросе о психической наследственности у человека? Она выражается в том, как Плеханов формулирует роль и значение психической наследственности, с одной стороны, и влияние окружающей современной социальной среды, с другой стороны.

Плеханов диалектически различает «происхождение человеческой способности к мышлению» и «происхождение человеческих понятий», «данных совершенно определенных взглядов на собственность, на отношение между мужчиной и женщиной, на взаимные отношения членов семьи и общества и на отношения людей к «первоначальным» языческим божествам».

«Этих взглядов,—заявляет он,—ни в каком случае нельзя считать продуктом *биологической эволюции*»⁵.

От своей биологической эволюции человек унаследовал только формальные способности к мышлению, конкретное же содержание нашего мышления, его происхождение определяется социальной средой.

Такую же мысль Плеханов высказывает в отношении частных проблем. Так, об эстетических вкусах, эстетических переживаниях

¹ Плеханов, т. VIII, 389—390.

² » т. VIII, 402.

³ » т. VIII, 151—152.

⁴ » т. VIII, 48.

⁵ » т. VIII, стр. 203.

Плеханов пишет, что он не согласен с теми, которые из приводимых Дарвиным фактов, делают тот вывод, что происхождение чувств красоты должно быть объяснено биологией».

«Биология не объясняет нам происхождения наших эстетических вкусов, а тем менее может она объяснить их историческое развитие»¹.

На основании подробного разбора целого ряда примеров, Плеханов приходит, по вопросу о соотношении биологического и социального «фактора» эстетических вкусов и переживаний человека, к тому выводу, что «ощущения, вызываемые известными сочетаниями цветов или формой предметов, даже у первобытных народов *ассоциируются* с весьма сложными идеями», что «по крайней мере многие из таких форм и сочетаний кажутся им красивыми только благодаря такой ассоциации».

Ответить же на вопрос о том, «чем же она вызывается и откуда берутся те сложные идеи, которые ассоциируются с ощущениями, вызываемыми в нас видом предметов», «может не биолог, а только социолог»², так как биологически-унаследованная способность к эстетическим переживаниям наполняется конкретным содержанием ассоциациями социальной среды.

Интересен также анализ Плехановым биологической и социальной сторон другой нашей способности музыкальности, в частности чувства ритма.

Предположение о том, что «когда проявляется эта способность, общая человеку с другими животными, то ее проявление не зависит от условий его социальной жизни вообще и в особенности от состояния его производительных сил», кажущаяся «на первый взгляд весьма естественным», «не выдерживает критики фактов».

Плеханов считает, «что способность человека замечать ритм и наслаждаться им ведет к тому, что первобытный производитель охотно подчиняется в процессе своего труда известному такту и сопровождает свои производительные телодвижения размеренными звуками голоса или конденсированным звоном различных привесок», но что «такт, которому подчиняется первобытный производитель, зависит от технологического характера данного производительного процесса, от техники данного производства».

«Природа человека (физиологическая природа его нервной системы) дала ему способность замечать музыкальность ритма и наслаждаться ею, а техника его производства определила собою дальнейшую судьбу этой способности»³.

Как мы видим, точка зрения Плеханова сводится к тому, что природа дает возможность, а окружающие социальные условия определяют переход возможности в действительность, в реальный факт.

Могут возразить, так как нет реального факта без и вне возможности, то нельзя установить грани между биологически-унаследованной

¹ Плеханов, т. XIV, стр. 5—6.

² » » XIV, стр. 69.

³ » » XIV, стр. 25—28.

возможностью и социально-определенным реальным конкретным содержанием, т.-е. биологически-унаследованная возможность и социально-определенная реальность наших переживаний тождественны.

Такая попытка отождествить эти два момента не верна. Плеханов ее категорически отвергает, анализируя законы ассоциации.

«Раз ум человеческий поставлен в известное положение, раз дает ему окружающая среда известные впечатления, он сочетает их по известным общим законам (при чем и здесь результаты до крайности разнообразятся разнообразием получаемых впечатлений). Но что же ставит его в такое положение. Чем обуславливается приток и характер новых впечатлений. Вот вопрос, которого не разрешить никакими законами мысли».

А так как «эти законы приводятся в действие внешними обстоятельствами, *не имеющими ничего общего* с этими законами»¹, то, следовательно, сам процесс и сами законы ассоциации, как биологически-унаследованные возможности, не имеют ничего общего с социально-обусловленным фактическим функционированием и конкретным содержанием связанных ассоциацией переживаний.

Это два ничего не имеющих между собой, принципиально-отдичных, качественно-различных, а не тождественных момента.

Таким образом, биологически-унаследованные возможности, формальные способности и социально-определенные реальности в наших психических переживаниях представляют собой не два тождественных, а два качественно-различных момента единого целого.

Не тождество, а единство—вот диалектическая формула Плеханова в вопросе о соотношении между биологически-унаследованной возможностью и социально-определенной реальной конкретностью нашей психики, между формальной способностью и ее конкретным содержанием.

Но какова сравнительная ценность этих двух моментов?

Отношение Плеханова к этому вопросу видно из его взгляда на чувство симметрии у человека, которое, по его мнению, «само по себе еще *равно ничего не объясняет* в истории искусства».

Биологически-унаследованная возможность ничего не объясняет. Объяснение дает социально-определенная конкретность.

Но этого мало.

Плеханов считает, что осталось бы *неизвестным*, «в какой мере *развилась бы эта способность, если бы она не укреплялась и не воспитывалась самим образом жизни первобытных людей*»².

Мы ничего не знаем о биологически-унаследованной формальной возможности без и вне социально-определенной конкретности психических переживаний.

Приоритет *качества* социально-определенной конкретности над *качеством* биологически-унаследованной возможности в нашей единой цельной психике—вот диалектическая формула Плеханова по

¹ Плеханов, т. VII, стр. 218—220.

² » т. XIV, стр. 29.

вопросу о сравнительной ценности обоих качественных моментов нашей цельной единой психики.

Но, возражают, в чем же выражается тогда признаваемая Плехановым колоссальная роль биологически-унаследованных формальных психических возможностей?

Прав А. М. Деборин, что она выражается в ее роли—*предпосылки*.

У нас должны быть в наличии эти биологически-унаследованные формальные психические возможности, для того, чтобы мы могли воспринимать окружающее, отражать его в себе, наполнять свои формальные возможности конкретным содержанием и таким образом обнаружить, проявить их.

Каков же, с точки зрения Плеханова, основной подход к изучению человеческого поведения и психики при таком его диалектическом взгляде на сравнительную роль и значение двух качественно-отличных моментов единой цельной человеческой личности?

Указав на заявление Фейербаха, что он согласен с материалистами только, «идя назад», и расходится с ними, «идя вперед», Плеханов спрашивает: «о каком же именно материализме идет здесь речь» у Фейербаха и отвечает, солидаризуясь тут же с Фейербахом:

«Фейербах не мог удовлетвориться материализмом, *не умевшим различать между человеком, как предметом биологии, и человеком общественной науки*. Но отсюда видно вовсе не то, что он был материалистом только отчасти, а, напротив, то, что он испытывал потребность в последовательном материалистическом мирозерцании»¹.

Поскольку *главным предметом* исследования Фейербаха являются «те создаваемые человеком *мысли и фантастические существа*, которые во мнении и преданиях людей принимаются за истинное», само собою понятно, — говорит Плеханов, — что «Фейербах *не мог изучать этого предмета, ограничиваясь точкой зрения биологии*»².

Признавая роль и значение биологии человеческого организма для нашего поведения и психики, роль и значение биологически-унаследованной формальной возможности психических переживаний—этого своеобразного качества нашей единой цельной личности, но признавая эту роль и значение в качестве предпосылки, наличие которой необходимо, предполагается для того, чтобы социальная среда могла превращать ее из возможности в реальность, Плеханов *различает* между биологическим и социально-историческим подходом, соглашаясь с Фейербахом, что создаваемые человеком мысли, образы фантазии надо изучать, главным образом, не с точки зрения биологии, а с точки зрения социологии.

Нельзя отождествлять биологический и социологический подходы человеку. Их надо различать.

Биологический подход ведет только назад, а нам надо идти вперед.

¹ Плеханов, т. XVII, стр. 176—177.

² » т. XVIII, 177, примеч.

Этот биологический подход назад не отрицается Плехановым, как и Фейербахом, он нужен и полезен, но только как предпосылка, точнее, как подсобное при изучении основного приоритетного главного, социально-обусловленного, конкретного, реального, фактического человеческого поведения и психики.

Плеханов, таким образом, устанавливает два качественно-различных элемента нашей единой психики, а именно биологически-унаследованная возможность, социально-определенная конкретность и два качественно различных подхода к их изучению—биологический и социологический.

Во взглядах Плеханова на биологический фактор человеческого поведения и психики есть еще один очень важный диалектический момент.

Предостерегая от узко-биологического подхода к человеческому поведению и психике, Плеханов устанавливает *исторически-выросшую качественную разницу* между биологией человека и животных.

Прежде всего Плеханов устанавливает общую качественную разницу между поведением человека и животных.

«Приспособление животных к окружающей их естественной среде совершается посредством преобразования его органов, посредством изменения в его анатомической структуре».

Человек же, как производящее орудия животное, «приспособляется к окружающей его естественной среде, изменяя свои искусственные органы, при чем, по сравнению с этими изменениями, «изменения его анатомической структуры совершенно теряют свое значение»¹.

Животные производят действия и имеют, как их отражение, психические переживания, в зависимости от анатомической структуры их тела, от строения их отдельных органов, человек же производит все более и более сложные, все новые и новые действия и имеет, как их отражение, все новые и более сложные психические переживания, не в зависимости от анатомического строения его тела, а в зависимости от роста и развития его искусственных органов — орудий труда.

Не биологическое строение тела, а орудия труда определяют объем, характер, виды человеческих действий и их отражений—психических переживаний.

Поведение и психика животных ограничиваются биологическим строением их тела, поведение же и психика человека свободны от этого ограничения и определяются изобретаемыми человеком искусственными орудиями труда.

Условия социального бытия меняют поведение человека, физиологическое функционирование его организма.

Конечно, это измененное поведение приводит и к структурно-анатомическим изменениям. Но это последнее образуется как отраженный результат измененного поведения, во-первых, и, как это формулировал А. М. Деборин, оно—незначительно и образуется на протяжении веков, во-вторых.

¹ Плеханов, т. VIII, стр. 147—148.

Надо поэтому различать между двумя качественно-различными моментами; между социально-обусловленной колоссальной, безгранично-возможной (поскольку безгранично возможно развитие техники) *изменчивостью* поведения, действий, физиологического функционирования и психических отражений, психических переживаний человека, с одной стороны, и между отраженной от этого незначительной, накапливающейся только на протяжении веков анатомически-структурной *изменчивостью* тела, играющей главную определяющую роль в отношении поведения и психики животных, но имеющей почти ничтожную роль в отношении поведения и психики человека.

Такова общая диалектически-качественная разница между поведением и психикой животных и человека в зависимости от качественного различия роли и значения биологически-наследуемой анатомической структуры тела животных и человека.

Плеханов вскрывает далее качественную разницу между *общими* у человека и животных инстинктивными потребностями и переживаниями, анализируя семейные отношения и, следовательно, половое и родительское чувство, в связи с замечанием Дарвина, что «слоны отмахиваются иногда от мухи ветками. У самца-слона существует известное отношение к самке, у самца и самки существует известное отношение к детенышам,—говорит Плеханов,—но ясно, что не «ветками» созданы эти отношения: они созданы общими условиями жизни этого вида, условиями, в которых роль «ветки» так бесконечно мала, что ее без всякой ошибки можно приравнять к нулю».

Но иначе обстоит дело в истории человека.

«В течение очень долгого времени отношения человекоподобных самцов к человекоподобным самкам, равно как и отношения тех и других к их человекоподобным детенышам, определялись общими условиями жизни этого вида, не имеющими к орудиям труда никакого отношения».

Тогдашние «семейные» отношения наших предков «должны объяснить натуралисты. Историк тут делать пока еще нечего».

Но вот наступает, наконец, такой момент, когда орудия труда приобретают решительное влияние на весь склад общественных, т.-е., между прочим, и семейных отношений. Тут уже начинается дело историка: он должен показать, как и почему изменились семейные отношения наших предков в связи с развитием их производительных сил, как развилась семья в зависимости от экономических отношений.

Тут историк придется, во-первых, потребовать формальный список этого вида у натуралиста, сдающего ему с рук на руки дальнейшее изучение развития человека; ему придется, во-вторых, пополнять этот список «собственными средствами»¹.

Половые, родительские, семейные чувства у *исторического* человека, в отличие от таковых у животных и у человека на зоологической стадии его развития, являются, следовательно, социально измененными, социально пропитанными.

¹ Плеханов, т. VII, стр. 171—173.

Те инстинктивные биологические потребности, которые *общие* у человека и животных, оказываются *не тождественными, а качественно-различными*; отсюда необходимость различать между узко-биологическим подходом к их изучению и социологическим.

Последний не уничтожает первого, но изменяет его роль, снимает его в себе, включает его в себе, поскольку он берет его выводы как исходный момент для своего дальнейшего социологического анализа, поскольку он учитывает его при последнем.

Качественная разница *общих* у социального человека и животных биологических инстинктивных потребностей и переживаний (полового чувства в частности, о чем забывают некритически увлекающиеся реакционным биологическим пансексуализмом Фрейда), качественная разница между биологическим подходом к этим общим потребностям и социологическим подходом, включающим и учитывающим в правильной, снятой форме и биологический подход—вот взгляд Плеханова.

Качественная разница между биологией человека и животных сводится Плехановым не только к качественной разнице *общих* им потребностей.

Плеханов выдвигает еще одну качественную разницу между биологией человека и животных, состоящую в том, что животные имеют только биологически-определяемые потребности, у человека же исторически-обусловленно вырастают новые, социально-приобретенные потребности.

«Для удовлетворения своих физиологических потребностей люди должны производить определенные предметы, а прогресс этого производства вызывает *возникновение* новых потребностей, столь же действительных, как и первые»¹.

Далее, каково отношение между биологически-унаследуемыми и социально-приобретенными потребностями человека?

Разбирая работу Лакомба, который выделяет «телесные потребности и различные виды промышленности, направленные к их удовлетворению», в особую «экономическую», «самую влиятельную в истории» группу потребностей, Плеханов критикует его за то, что он «не имеет понятия о современном диалектическом материализме» и даже «не подозревает возможности *торжества* человеческого разума над слепой силой экономической необходимости». Как бы ни была справедлива мысль о том, что «экономические нужды человечества говорят *громче и повелительнее* всех других», «из нее еще вовсе не следует, что людям *навсегда* суждено оставаться рабами своей собственной общественной экономии. Разумная планомерная организация общественного производства обеспечивает удовлетворение «телесных потребностей» человека, как обеспечивается самою природою при всяких общественных отношениях удовлетворение потребности дыхания. Телесные потребности *перестанут* поэтому *играть* во взаимных отношениях людей *ту огромную роль*, какую они, несомненно,

¹ Плеханов, т. VIII, стр. 117.

играют теперь, когда удовлетворение их зависит от беспорядочной игры случайностей»¹.

Исторически роль телесных потребностей меняется. Плеханов намечает процесс нарастания приоритета социально-приобретенных потребностей над биологически-унаследованными.

Качественная разница между этими двумя видами человеческих потребностей и историчность при оценке их роли, значения и места, занимаемого ими в человеческой жизни, вот диалектические штрихи взгляда Плеханова на данную проблему.

Резюмируя сказанное о точке зрения Плеханова на отношение между биологическим и социальным «факторами» человеческого поведения и животных, мы можем сказать: Плеханов требует *исторической* подхода к этой проблеме и учета *качественной* разницы между биологическим и социальным в человеке, между биологией человека и животных.

«Человек количественно и качественно изменен своей искусственной средой»², — говорит Плеханов.

Неучет этих качественных моментов при анализе биологического и социального «факторов» поведения и психики человека и животных может повести, как и Лакомба, «в некотором смысле к *пасквиллю* на человеческий род»³.

Лучшей оценкой *смазывания* указанных Плехановым в интересующем нас сейчас вопросе качественных моментов является следующее замечание Плеханова:

«Буржуазные писатели, ссылаясь на Дарвина, в действительности рекомендовали своим читателям не научные приемы Дарвина, а только зверские инстинкты тех животных, о которых у Дарвина шла речь. Маркс сходится с Дарвином, буржуазные писатели сходятся со зверями и скотами, которых изучал Дарвин»⁴.

4. Диалектика в выяснении роли среды, как социального „фактора“ поведения и психики

Среду некоторые психологи (Бехтерев, напр.) делят на две части: на естественно-географическую, непосредственно влияющую на поведение и психику не только отдельных индивидов, но и коллективов, и на среду социальную.

Плеханов вскрывает историческую ошибочность, абстрактный, не конкретно-исторический подход к вопросу со стороны теории непосредственного влияния естественно-географической среды на поведение и психику человека.

Плеханов считает, что сторонники этой теории путаются в вопросе, «как влияет» географическая среда, что для них «не ясен путь ее

¹ Плеханов, т. VIII, стр. 233.

² „ „ „ VIII, стр. 250.

³ „ „ „ VIII, стр. 233.

⁴ „ „ „ VII, стр. 266, примеч.

действия»¹, что они не различают двух *качественно различных* видов, форм, путей влияния географической среды на поведение и психику человека, а именно: 1) прямое, непосредственное и 2) косвенное, посредственное через производственно-экономические отношения².

Констатирование двух качественно-различных форм, видов, путей влияния географической среды—вот первый диалектический штрих, характерный для Плеханова.

Плеханов считает, что успехи «разума» явились следствием замечательного влияния человеческих рук, которые образовались в силу некоторых особенностей географической среды, сделавших полезными физиологическое разделение труда между передними и задними конечностями, что только благодаря некоторым особым свойствам географической среды наши антропоморфные предки могли подняться на ту высоту умственного развития, которая была необходима для превращения их в *toolmaking animals*³.

Таким образом, в доисторический период, когда не было еще искусственной среды, господствовало исключительно непосредственное влияние географической среды на человеческий организм, на его физиологию и через них и на его психику.

Картина меняется, когда человек доходит до пользования орудиями труда, когда вырастают его производительные силы.

Тогда, по мнению Плеханова, «зависимость человека *от географической среды из непосредственной превращается в посредственную*, географическая среда влияет на человека *через общественную*»⁴.

Таким образом, употребление орудий является *гранью*, водоразделом двух исторических эпох—*зоологической* с ее исключительно непосредственным влиянием географической среды на поведение и психику человека и *исторической*, когда появляется новая историческая форма посредственного, через социальную среду, влияния географической среды на поведение человека и психику.

Историчность при выяснении происхождения и роли двух форм влияния географической среды на поведение и психику человека—таков второй диалектический момент во взглядах Плеханова на интересующий нас сейчас вопрос.

Далее, в историческую эпоху влияние среды не постоянно, не неизменно.

«На каждой новой ступени развития производительных сил оно оказывается не тем, чем было прежде».

Изменчивость влияния географической среды на протяжении *истории*—вот 3-й диалектический штрих.

¹ Плеханов, т. XX, стр. 28—29.

² » » XX, стр. 3, 28—29; XVIII, стр. 209—210 VIII, стр. 155; XXII, стр. 17.

³ Плеханов, т. VII, стр. 165—167.

⁴ » » т. VII, стр. 2—25.

Далее, в первые периоды человеческой истории, поскольку человек овладел еще небольшой частью природы, посредственное влияние географической среды было очень незначительно, а непосредственное, наоборот, очень велико.

Но, по мере роста производительных сил, ширится та часть географической среды, которая охватывается человеком в его производительной деятельности, и растет посредственное влияние географической среды.

Вот почему Плеханов, имея в виду ближайшую к нам историческую эпоху, утверждает, что «теперь уже ясно, что «климат», т.-е. географическая среда, влияет на отдельных членов общества, *главным образом, — чтобы не сказать исключительно, —* через посредство среды, общественной, обуславливающей собою стремления, чувства, взгляды, — словом, всю психику отдельных людей».

Соотношение между непосредственным и посредственным влиянием географической среды на поведение и психику человека — такое же историческое явление, как и самый факт происхождения этих двух форм влияния географической среды. *Оно исторически изменчиво*, и на данной ступени исторического развития мы имеем уже почти исключительно посредственное, через социальную среду, влияние естественно-географических условий.

Следовательно, по мнению Плеханова, для современного человека окружающая нас среда является средой социальной, поскольку естественно-географическая среда преломляется через призму социальную.

Взгляд Плеханова на роль и значение среды, как социального «фактора» нашей психики и нашего поведения, можно охарактеризовать как борьбу против абстрактно-социального подхода за дифференциальный конкретно-исторический подход.

Этот конкретно-исторический подход выражается в необходимости учитывать, во-первых, историческую эпоху и, во-вторых, классовый момент.

Психика и поведение людей разнятся от эпохи к эпохе, а в одной и той же эпохе — от класса к классу — вот точка зрения, красной нитью проникающая все сказанное Плехановым о поведении и психике исторического человека.

Кроме этих двух основных моментов, характеризующих диалектический, конкретно-исторический подход Плеханова к социальной стороне нашего поведения и психики, мы укажем еще на несколько моментов диалектики в его подходе.

Мы уже видели, что Плеханов, с одной стороны, приписывает субъективным переживаниям огромную роль непосредственной пружины человеческой общественной деятельности, а с другой — диалектически различает ум, чувства и волю, инстинктивные, бессознательные и сознательные переживания.

Спрашивается, имеет ли каждый из этих видов психических переживаний одно и то же, постоянное, неизменное значение.

И вот оказывается, что это последнее *изменяется* в зависимости от *общественных* условий.

Так, при одних условиях более важен инстинкт¹, при других— сознание², при третьих—чувства³, при четвертых—логика⁴.

Социально-обусловленная изменчивость, вернее, относительность роли и значения различных видов психики—вот новый штрих во взглядах Плеханова.

Далее, для Плеханова характерно еще подчеркивание *относительности* социальных оценок различных психических переживаний.

Очень интересна в этом отношении оценка Плехановым индивидуализма.

В связи с указанием Зомбарта на то, что «в пролетарской среде— по самым условиям ее существования,—необходимость с ранних лет собственным трудом зарабатывать себе хлеб насущный,—должен распространяться свойственный нашему времени «сильный индивидуализм», Плеханов замечает:

«Это так, но *характер* индивидуализма *изменяется* в зависимости от того, в *какой среде* он пускает корни. *Пролетарский* индивидуализм совсем *не похож* на *буржуазный*. Пролетариат—индивидуалист преимущественно в том смысле, что жизнь рано и сильно развивает в нем *чувство самостоятельности*, буржуазный же индивидуализм равносителен развитию *чувства себялюбия, эгоизма*». Если бы Зомбарт задумался над этой параллелью,—пишет далее Плеханов,— «то он увидел бы, что в «опустошенной» душе пролетария много богатого содержания, а еще больше богатейших возможностей»⁵.

Одно дело индивидуализм пролетариата, и совсем другое дело индивидуализм буржуазии. Первый—прогрессивен. второй—реакционен. Да и психическое содержание их различно!

Так же дифференциально подходит Плеханов и к вопросу об оценке индивидуализма в возрождающейся, вернее, поднимающейся из-под крепостного ярма крестьянской деревне⁶, а также индивидуализма поэта, окруженного пошлой, загнившей средой⁷.

Не абсолютная, а конкретно-историческая, социально-изменяемая, дифференциально-классовая оценка того или другого психического переживания—вот еще один диалектический принцип, указываемый Плехановым.

Наконец остановимся на соотношении, устанавливаемом Плехановым между психикой индивида и психикой общественной, точнее, коллектива (класс, сословие и т. д.).

Критикуя Бергсона, Плеханов пишет, что «сверх-индивидуальное сознание есть миф, ссылка на который может удовлетворить религиозное чувство верующего человека, но решительно не в состоянии обосновать философию, в самом деле чуждающуюся догматизма»⁸.

¹ Плеханов, т. II, стр. 55.

² » » XVI, стр. 218.

³ » » V, 220.

⁴ » » V, 223; I, 23; II, 78; XVI, 256; XVII, 307.

⁵ » » XVI, 207.

⁶ » » X, 92—93.

⁷ » » X, 283.

⁸ » » XVIII, 128.

Реально есть *только* сознание, в головах *отдельных индивидов*. Плеханов соглашается с Лабриолой, что чистейший мистицизм думать, что «существует какая-то общественная душа или какой-то коллективный народный «дух», развивающийся по своим особым законам и выражающийся в общественной жизни».

«Для материалиста в данном случае речь может идти только о *преобладающем* настроении чувств и умов в данном общественном классе данной страны и данного времени»¹.

Общественной, коллективной психикой, т.-е. психикой, присущей данной общественной группе, данному общественному коллективу, Плеханов называет *те* психические переживания, которые преобладают среди индивидов данного общественного коллектива.

Общественная коллективная психика — это та *часть* психики *индивидов*, которая обща им всем, преобладает у них.

Кроме этой общей, преобладающей у всех индивидов части психики, у каждого из индивидов общественного коллектива остается еще *непреобладающая*, не общая, чисто-личная, чисто-индивидуальная, характерная только для данного индивида *часть* психики, т.-е. личные психические особенности, играющие, по Плеханову, меньшую, в сравнении с общими чертами, но все же большую роль².

Таким образом, нет отдельной, вне индивидов существующей, коллективной психики. Есть *только* психика индивида, состоящая из двух частей: одной части — общей, преобладающей, присущей *всем* индивидам данного коллектива, и другой части — характерной только для *каждого* индивида.

Общей частью своей психики индивид является выразителем, представителем данного общественного коллектива³.

Но эта общая у данного индивида с другими индивидами его коллектива *часть* психики не отделима от чисто-личной части его психики.

Обе эти части составляют, по Плеханову, как мы установили это выше, единое, цельное «я».

Плеханов, следовательно, различает в психике каждого индивида две качественно различные части: общая с другими индивидами и чисто-личная и объединяет эти две качественно-различные части в цельное единство.

Вот почему Плеханов заявляет, что «великий поэт велик потому, что выражает собою великий шаг в общественном развитии, но, выражая этот шаг, он не перестает быть индивидуумом»⁴.

Таким образом, мы можем установить: 1) в отношении психики *каждого* индивида Плеханов признает ее единство из двух качественно-различных элементов, 2) основой же качественного

¹ Плеханов, т. VIII, 250—251.

² » » II, 311; VIII, 304—305.

³ » » VIII, 304—305; X, 299.

⁴ » » X, 299—300.

разделения является момент *количественного* преобладания психических переживаний и, наконец, 3) общественная психика—это увязка, единство, общность количественно-преобладающих психических переживаний.

5. Какие же элементы диалектики установил Плеханов в психологии человека

Проанализировав вопрос о диалектике в психологии в порядке самой системы психологии, мы теперь подытожим нашу статью, сгруппировав установленные Плехановым штрихи, элементы, принципы диалектики в порядке самой диалектики.

В психологических взглядах Плеханова можно установить следующие диалектические принципы:

1. Диалектическое соотношение между причиной и следствием, превращение следствия в причину, в свою очередь воздействующую на создавшую ее причину (обратное воздействие психики на создавшее ее бытие, базис).

2. Борьба за качество против отождествления (суб'ективное и физиологическое, суб'ективное и внешнее поведение—слова и дела; биологически-унаследованная формальная возможность и социально-обусловленная реальная конкретность психических переживаний; биологическое и социальное в человеческом поведении; человек как часть биологического мира и как член общества; биологический и социологический подходы к человеку; биология человека и биология животных; непосредственное и посредственное влияние географической среды на поведение и психику человека; психика индивида и психика коллектива).

3. Переход количества в качество (количество при определении ума, воли и чувств; инстинкт и сознание; бессознательное и сознание; неорганическое без-психическое и органическое психическое; психика индивида и психика коллектива).

4. Единство многообразных качеств в одном и том же предмете (трехчленное единство—ум, чувство и воля; единство неотделимых друг от друга суб'ективного и физиологического; единство биологически-унаследованной формальной возможности и социально-определенной реальной конкретности психических переживаний).

5. Единство раздельных элементов (трехчленное единство—мысль, слово и действие; единство в психике каждого индивида общих и чисто-личных психических переживаний).

6. Единство противоречий (одновременное уживание противоположных психических переживаний).

7. Развитие путем внутренних противоречий (закон социально-обусловленного антитеза, контраста).

8. Конкретность, дифференциальность, выражающиеся:

а) в историчности (инстинкт, бессознательное и сознание; психическая наследственность и влияние среды; биология человека и

жиготных; биологическое и социальное в человеке; две формы влияния географической среды на поведение и психику человека);

б) в классовом подходе к психике и поведению;

в) в исторической *относительности* (относительная действенность различных видов психических переживаний; относительность общественных оценок психических переживаний).

9. Изменчивость, исторически обусловленная (влияние факторов человеческого поведения, географической и социально-классовой среды).

10. И наконец, как следствие этого, пластичность, изменчивость самого человеческого поведения и психики.

Ю. Франкфурт